

**СЧАСТЬЕ В КОНТЕКСТЕ
ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
(или ГДЕ РАСПОЛАГАЕТСЯ СЧАСТЬЕ?)

То, что значимо для человеческой жизни на земле, составляет систему ценностей жизни. К ним относятся «человек», «жизнь», «общество», «природа», «добро», «истина», «красота», «труд», «познание», «общение» и ряд других, которые составляют частное проявление вышеназванных. Весь окружающий человека предметный и духовный мир состоит из конкретных и частных проявлений данных наивысших ценностей: они, в силу своей предельной обобщенности, включают в свое содержание разнообразные частные проявления. Например, «цветы», «музыка», «дворец», «изящество походки» – это «красота», а объекты-носители красоты вызывают, при всей разности своей, единое проживание отношения, аналогичные чувства восторга, наслаждения, умиротворения и т.п. Ценностью является не сам дворец, он лишь предмет, несущий в себе ценность, а именно, красоту. Точно так же «улыбка», «помощь», «кусочек хлеба голодному», «доброе слово» – это «добро». Поэтому, невзирая на разность предметных носителей добра, они рождают идентичные отношения, ибо ценность их едина.

Индивидуальные особенности личности определяют индивидуальные варианты ценностных систем личности. У детей общие ценности временно замещаются частными: скажем, для ребенка ценность Природы предстает в облике леса, который расположен рядом с его домом; ценность Общества выступает в образе класса, где он учится; ценность Человека – это близкие ему родные. Со временем расширяется кругозор и увеличивается жизненный опыт – создается почва для широких обобщений и восхождения к наивысшим ценностям. Конечно, с помощью взрослых, педагога, прежде всего.

Но представим, что человек не воспринимает названные явления как ценность красоты и добра, он, в таком случае, не проживает положительных отношений, становясь невосприимчивым к происходящему. Какая-то часть жизни остается за периферией его сознания. Однако мы уже сказали, что ценности предельно широки в силу своей обобщенности. Поэтому эта «выброшенная» из сознания часть представляет собою огромный пласт изъятых из соз-

нения человека жизненных явлений. Так появляется человек с узким внутренним миром, ограниченным восприятием жизни, зажатый в сферу конкретно-предметного восприятия действительности.

Личность соткана из отношений и развивается, когда обогащается ими в процессе их проживания. Ценностное же восприятие мира, так как оно наполнено значимостью объектов для его жизни, обеспечивает ему счастливое проживание действительности. Когда же личность воспринимает в конкретном предмете ценность (нечто значимое для жизни), она проживает удовлетворенность моментом жизни.

Любое проживание отношений к бесконечному разнообразию мира составляет содержание жизни человека. Но вот наполнится ли миг взаимодействия с миром счастливым проживанием, зависит от того, как относится человек к ценностям жизни.

*«Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России, и пользовались почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись через 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проводившие жизнь в службе, обедах, картах, были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым ничем хорошим не было и помянуть свою жизнь; казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные и как счастливы были спасшиеся, а прошло 30 лет, и стало ясно, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка, неволя было счастье, а генеральство, и богатство, и свобода были великие бедствия».*¹

Но почему же не любые объекты выступают основанием для счастья? Потому что не все объекты реальности обладают силой кардинального влияния на жизнь человека. А ценности обладают такой силой. Следовательно, развитый духовно человек обладает большими возможностями стать счастливым, чем человек низкого развития. Неслучайно издавна добродетель и счастье связывались в особый союз: добродетели увеличивают возможность счастья, а счастье содействует возвышению человека к добродетелям. Сек-

¹ Л. Толстой; по книге Н. Эйдельмана «Лунин». -- М., 1970, с. 214.

рет здесь в умении духовно развитого взойти на ступень обобщенного восприятия жизни как объекта и проживания основных ценностных ее устоев и в неспособности бездуховного человека увидеть за частным общее и проживать ход жизненного события в маленьком эпизоде реальной повседневности.

Приведем фрагмент диалога двух девушек-школьниц:

- *Гульнем сегодня?! Будет, что вспомнить!* – предлагает одна.
– *Давай! Всю ночь, ладно?..* – слышится ответное согласие.

Обратим наше педагогическое внимание на «будет, что вспомнить». И поймем начальное движение молодого человека к жизненной пропасти: когда в его жизни нет ничего такого, что бы радостно помнилось, оставляя сладостный след в памяти, что бы доставляло счастливые проживания потом, по прошествии события, начинается поиск эрзац-счастья: что-то должно же быть, чтобы хоть иллюзия счастливой жизни успокаивала. Не вошедший в сферу ценностных отношений, человек бросается в сферу острых ощущений, ища механическую замену счастью среди раздражающих и возбуждающих агентов. Остроумно о такой подмене говорит Ортега-и-Гассет, размышляя о подмене в области эстетических ценностей. Вдумаемся в его убийственный аргумент:

Мелодрама, фельетон и порнографические романы – образцы крайних форм механического воздействия. Показательно, что по силе эффекта, по способности захватить, увлечь ничто не сравнится с ними. И это доказывает, как ошибочно оценивать произведение по тому, насколько оно захватывающе, насколько способно подчинить себе человека. Будь это так, высшими жанрами искусства считались бы щелчок и алкоголь (разрядка автора).²

Желание стать счастливым за счет внешних механических агентов для некоторых взрослых превращается в своеобразную неожиданную западню: в погоне за счастьем оказываешься за решеткой, в добывании счастья теряешь жизнь, в непродуманной жажде счастья попираются любовь, семья и друзья; в результате –

² Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. -- М., 1991, с.175.

тоскливое одиночество терзает душу, и, чтобы избавиться от этих жестких тисков, человек вновь прибегает к сомнительным спасителям внешнего раздражения. Круг замыкается.

Счастье рождается и проживается лишь в сфере ценностных отношений: они фундамент прекрасного сооружения счастья.

Каждодневно, наблюдая за поведением людей, можно фиксировать упущенную одним человеком возможность пережить счастливое состояние и обретенную другим человеком возможность проживать счастье жизни.

Встреча с зайцем в лесу для одного субъекта есть огромная радость свидания с братьями нашими меньшими, живущими с нами в одном доме Земля; но та же встреча проживается другим субъектом как величайшее несчастье: ружья не оказалось рядом, чтобы убить зайца и, поджарив, прожить сладкие ощущения.

Поняв, что счастье прячется там, где проживается наше отношение к объекту, а это означает, что оно действительно относительно независимо от окружающего нас мира, то есть вещей, предметов, денег, продуктов, роскоши, мы тогда только ухватываем сознанием исток счастья, освобождаясь от власти объекта предметного мира. И только тогда мы становимся свободны от вещей, ибо не участвуем в погоне за ними, зная точно, что не в них наше счастье.

«Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет выбирать дорогу», – приходит к выводу один из персонажей новеллы О.Генри («Дороги, которые мы выбираем»), осмысливая жизненную ситуацию, пережитую им.

Мы слышим хор некоторых читателей, обвиняющих нас в лицемерии и ханжестве, говорящих нам следующее: «Все знают, что вещи приносят счастье, что материальные блага есть, конечно, счастье... ». Напомним о «гегелевской кухарке», которая склонна к обобщениям («мыслит абстрактно») и тоже уверена, что «все во-

руют», «все пьют», «кто же не изменяет жене?!», «кто откажется от высокого чина?!», «кто же любит работать?!». И предположим нежелательному недоразумению уточнение: имеем в виду не полное отсутствие еды, одежды, жилища и благ цивилизации, а лишь определяем место этих благ в нашей жизни: они средство жизни, не более того.

На первый взгляд, представленное решение может породить ложное представление о том, что научить человека быть счастливым – означает выводить его на философический уровень восприятия мира. Мы уже не раз писали про объективный философический характер современного воспитания ³, и сейчас еще раз подчеркиваем величайшее значение реализации педагогического принципа ценностной ориентации в формировании личности ребенка. Однако ни в коем случае нельзя сводить решение философической проблемы только к формированию ценностных представлений детей. Философическое восприятие мира становится лишь предпосылкой для проживания значимости жизни.

Быть философом –

это обнаруживать жизнь во всех ее проявлениях.

Еще не обусловив проживания счастья, восприятие жизни философического порядка, тем не менее, чрезвычайно важно для последующего развития способности стать счастливым уже потому, что философический взгляд открывает человеку жизнь там, где ее не обнаруживает взгляд обывательский. Поэтому философическое видение жизни есть первая основная предпосылка счастья.

Педагог Наталья Владимировна Мезенцева ⁴ в работе с детьми предлагает ученикам со стороны поглядеть на родной поселок благодаря произведенной видеозаписи. «Красиво! Очень красиво!» – откликаются дети, каждодневно видящие – или не замечающие все-таки? – повседневного окружения.

³ Например, см. «Педагогика» под ред. П.И.Пидкасистого. – М., 1999.

⁴ Мезенцева Наталья Владимировна, педагог школы №1 пос. Барсова Гора, Сургутского района Тюменской области.

Здесь нет, и не может быть воспитательной цели -- создать человеку счастье; здесь создается лишь предпосылка для развития способности замечать и оценивать жизнь «вокруг меня». Тут нет философии, но есть философическое восприятие «земли, по которой я хожу, и родного места, где я родился». Философский взгляд на будничную действительность не ввергает человека в проживание счастья, но он подготавливает психологическую почву для становления в личностной структуре человека счастья жизни.

Мы не имеем в виду философское образование детей. Было бы страшно и представить, как «для счастья детей» вводятся уроки фелицитологии (философии счастья). Философически воспринимать жизнь – значит, обобщенно, сверху, выстраивая в сознании некий общий образ жизни, относиться к течению и содержанию реальной жизни, формулируя для себя общие принципы и правила жизни. Воспитание должно быть философическим, чтобы ребенок мог научиться воспринимать жизнь как таковую и, в итоге, стать счастливым.

Быть счастливым –

это приветствовать жизнь во всех ее проявлениях.

То и другое требуют психологического напряжения, духовной активности, работы мозга и тела. Если первое – «приветствовать жизнь» – существует без второго, то второе – «быть счастливым» – не может быть без первого, то есть без умения философически воспринимать жизнь как некий удивительнейший и прекрасный объект.

Не вызывает сомнения, что общая развитость человека, его одаренность увеличивают шансы быть счастливым, как бы раздвигая пространство для обретения агента счастья. Как только педагог начинает это понимать, он проявляет общую обеспокоенность по поводу общей развитости детей, не замыкает своего профессионального внимания на научном знании и познавательных умениях.

Например, педагог Нина Ивановна Кулик⁵ вводит в систему воспитания школьников проведение игры «Кружка», открывающей для де-

⁵ Нина Ивановна Кулик, педагог школы № 22, г. Тюмень.

тей многомерность предметов и обучающей разностороннему восприятию жизненного явления посредством смены ракурса взгляда на объект. Изменяя ракурс рассмотрения, дети обнаруживают, что картина предмета меняется, а мнения тех, кто занимает разные позиции во взгляде на предмет, не совпадают.

Одна из важнейших сторон способности быть счастливым – умение поглядеть на жизненное событие с другой стороны. Но ведь именно этому учит любая научная дисциплина. Поэтому можно сказать, что хорошее обучение – тоже залог развития способности к счастью.

Диагностировать наличие столь важнейшей способности человека можно при тонком наблюдении за реакцией человека на «неприятности жизни». Счастливый сносит и горькие превратности судьбы, как бы она ни проверяла его на выносливость. Несчастливый теряет разум и достоинство от пустячных царапин жизни.

Все замечают, что проживание счастья немедленно влечет за собою другие позитивные качества человека. Говорят, вторя А.С. Пушкину, что «счастье – лучший университет жизни». Например, развивается способность быть добрым и деликатным. Проиллюстрируем.

Рассказывает Татьяна Георгиевна Упатова:⁶

– Моя дочь в течение двух месяцев не приезжала домой (работала над диссертацией.). Сыновья мои – я это видела – очень скучали по своей сестре и обижались на нее из-за долгого отсутствия. Но вот, узнав о дате ее приезда, соорудили большую медаль, на которой нарисовали портрет своей любимой сестры, на заднем плане -- контур дома и наш подъезд, а внизу надпись: «Почетный гость родного дома». Медаль была вручена. Светились счастьем все трое...

Вдумаемся в эпизод. Счастье встречи базируется на счастье любви. Творчество произрастает из корня счастья. Несчастливые люди злы, обидчивы, сварливы и несправедливы. Счастливые берегут счастье Другого, поэтому нежны, ласковы и деликатны. Од-

⁶ Упатова Татьяна Георгиевна, педагог школы поселка Ферзиково Калужской области.

нако – настаиваем мы – здесь нет прямой связи «счастье – достоинство». Связь эта опосредована системой ценностных отношений, которые, будучи почвой для счастья, способствовали произрастанию и других положительных нравственных образований души.

Педагогическая психология настойчиво предлагает сменить жесткий тон по отношению к шалуну-ребенку, или проказнику-подростку, или неподдающейся ранней юности на ласковое прикосновение и возвышение личности путем провозглашения ее достоинств приветливым, уважительным обращением, великодушным прощением оплошностей и неудач, незаметной психологической поддержкой даже в адрес очень «трудного» ученика. Ситуация успеха как технологическая методика основательно разрабатывается в практике воспитания, потому что замечено, что

лучший способ развить букет достойных качеств – содействовать развитию способности человека быть счастливым.

Связь добродетелей и счастья замечена была давно, еще древнеримской философской мыслью. Теперь, с позиции ценностей, эта связь не кажется нам ни надуманной, ни противоестественной.

Педагогический эффект этого положения проверен многолетней и разносторонней практикой работы педагога с детьми. Особенно явственно проступает сила воспитательного эффекта в работе с детьми осложненного поведения, «трудными детьми». Их «вывихнутую жизнь» выравнивает счастье, «исковерканную душу» изменяет счастье, и проживание счастливых моментов жизни отвращает от дурного поведения тоже. Профессиональная задача педагога – научиться производить «вытеснение» негативных качеств за счет возбуждения позитивных проявлений на основании ценностных отношений к жизни и осмысления личностной значимости ценностей в действительной ситуации собственной жизни.

Шофер, проезжая мимо школьного здания, говорит пассажиру: «Если бы не эта школа, в которой я учился, я бы человеком не стал – сидел бы за решеткой». И пояснил далее: «Я бежал в школу, я несся

каждое утро в эту школу, я торопился туда за счастьем. Другого счастья нигде и никто мне не давал. Это счастье и спасло меня от гибели».

Вдумаемся: счастье спасло человека от духовной гибели. Это знает педагогически необразованный человек. А мы, педагоги, в научных работах все еще классифицируем способы «борьбы с недостатками», «борьбы с нарушениями», «борьбы с грубостью». Подобно тому, как если бы мы объявили войну несчастью, ничего не совершая для счастья.

Вращенное на ценностном поле жизни счастье само по себе есть ценность, которую мы дорожим и которая, в свою очередь, становится сильнейшим фактором нашего духовного последующего вращивания.

Даже смерть человека полна великого смысла, если проживаются ценностные отношения, если они, ценности, вообще имеются в духовном личностном мире человека.

Умиравший Иван Ильич (Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича») вдруг перестает ощущать боль и страх смерти, он уже не думает о смерти, видя перед собою сына: «Он искал прежнего своего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет...»

Последние минуты его жизни были полны заботой о сыне-гимназисте.

Вечность ценностей определяет устойчивость счастья. Римский философ и поэт Сенека (1-ый век н.э.) советовал: «Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастливых случайностей».

Счастье относительно независимо, устойчиво и не подвластно разрушительным неблагоприятным внешним обстоятельствам и меняющимся жизненным условиям.

Но, проживая счастливое состояние, не теряем ли мы нечто важное для общения с другими людьми? Говорят, что счастье глаза застилает?

Приятствие, блаженство, удовольствие, довольство, наслаждение, нега, даже радость, действительно могут прервать связь с миром, потому что человек центрирует внимание на том состоянии, которое он в данный момент проживает. Счастье – иного порядка состояние: оно предполагает открытость к миру, ибо порождается счастьем именно агентом окружающего мира. В состоянии счастья душа распахнута для восприятия мира и других людей. С этой точки зрения, понятна мысль Л.Толстого, который говорил, что настоящую любовь (счастье!) легко распознать: она делает человека лучше. Мудрый старец предлагает нам существенный показатель для оценки состояния. Этим показателем могут воспользоваться педагог, психолог, родители, дети, если осмыслить с ними тезис о возвышающем душу влиянии счастья на человека. Пушкинское «счастье есть лучший университет» – та же идея, высказанная в метафорической форме.

Отметим еще одну кардинального плана роль счастья. Если вспомнить, что системность есть присущая миру характеристика и что человек как феномен мира обладает всеми присущими миру качествами, а, следовательно, личность человека является системой, то возникает вопрос о системообразующем факторе: что, собственно, выстраивает эту систему? во имя чего она складывается? что дает толчок для связи между рождающимися в системе элементами? что есть тот единый результат, который производит эта живая система?

Образ счастья и желание проживать счастье в согласии с данным образом составляют фактор рождения личностной структуры: каковым представляю счастье – таковым его выстраиваю. Стремление проживать счастье вынуждает человека совершать те или иные действия: он весь в этом стремлении. Содержание образа счастья обуславливает (и такое можно предвидеть априорно) многие элементы (если не все) его личностного проявления. Счастье – вектор жизненной направленности. Знание характера вектора позволяет предсказать действия человека.

Обратим внимание на демонстративно выставленную ногу сидящего в электропоезде человека, женскую либо мужскую. Узкий проход ставит пассажиров в положение риска: пройти трудно, не запачкав платья. Не надо даже поднимать глаз, чтобы разглядеть лицо носителя низкого поведения: оно лишено черт интеллекта, благородства, достоинства; скорее всего, оно, это лицо, жуёт, как жвачное животное, смотрит нагло и с равнодушием вокруг, все ушедшее в проживания своего физического самочувствия...

Образ счастья кардинально влияет на всю систему ценностей личности, а затем – на всю систему поведения, а далее – на всю систему избираемой деятельности и, в итоге, на содержание, характер, стиль жизни. И, если нам вздумается распознать сущность человека, то выявлять надо представление о счастье как продукте его сознания, ибо это представление и выступает движущим механизмом постоянного выбора, который приходится ежедневно производить человеку. Трудно удержаться от совета: выбирая супругу, поинтересуйся, что она думает о счастье; принимая на работу молодого специалиста, предложи высказаться о счастье; оказавшись в конфликте, прежде чем искать выход из конфликта, выведи партнера на тему счастья...

В исследовании казахского педагога Лиззат Ибраевой содержится чрезвычайной важности наблюдение за казахскими студентами из далеких аулов, которые начинают изучать русский либо английский языки:

... – Они постепенно начинают уважать вообще всякого человека, вне зависимости от нации и социального положения. Они благодаря языку увидели некоторую общность всех людей на земле – раскрыли для себя ценность Человека как явления. Но самое интересное: они начинают к себе относиться с большим уважением, открыв в себе тоже Человека...⁷

Данное наблюдение подтверждает ценностный характер вектора счастья: через признание и присвоение ценностей личность

⁷ Лиззат Ибраева, педагог университета г. Чимкента Казахской республики.

располагает свои оценочные проживания в поле ценностных отношений, сама при этом, обретая статус «ценности».

Разрешим себе метафорическое представление значения образа счастья для всей жизни отдельного человека или социально-традиционного представления счастья в его влиянии на тип жизни целой социальной группы. Наше представление о счастье подобно фундаменту здания: выстроенный фундамент управляет действиями строителей, строго ограничивая и жестко предписывая систему действий и архитектурного выбора. Пытаясь понять, почему нестойко здание или, наоборот, почему вечно выстроенное здание, обращаемся непременно к анализу фундамента. Желая докопаться до секрета высочайших достижений человека, станем искать ответ в его представлении о счастье жизни.